

В. ГРЕКУ

К ВОПРОСУ О БИОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОМ ТРУДЕ
ЛАОНИКА ХАЛКОКОНДИЛА

Имя. Именем Халкокондила было, без сомнения, христианское имя Николай¹, которое он изменил при помощи метатезы, сохраняя при этом число букв и этимологический смысл своего имени, в античное «Лаоник» для того, чтобы получить возможность начать свой исторический труд таким же образом, как и его античный образец *Θουκυδίδης ὁ Ἀθηναῖος*.

Что касается фамилии, то она передавалась не менее чем в двадцати трех вариантах, которые можно свести к двум главным вариантам: 1) Халкокондил — *Χαλκοκονδύλης* (т. е. человек с медным пером) и 2) Халкокондил — *Χαλκοκωνδύλης* (т. е. человек с медной лампадкой). Последний издатель труда Лаоника, венгерский византиновед Евгений Дарко, в своем критическом издании остановился на последнем варианте, исходя из того соображения, что *Χαλκοκωνδύλης* встречается в подавляющем большинстве рукописей². Но перепиской рукописей занимались преимущественно набожные люди, и вероятнее всего именно поэтому более набожно звучащая фамилия «с медной лампадкой» все больше и больше вытесняла в рукописях по-светски звучащую фамилию «с медным пером»; на мой взгляд, форма Халкокондил представляется более верной, чем Халкокондил, во всяком случае, в надписях встречается только она. В развалинах родовой церкви в Афинах были обнаружены надписи с фамилией в этой форме. И на одном портрете племянника Халкокондила с отцовской стороны Димитрия фигурирует фамилия *Χαλκωνδύλης*, а не *Χαλκοκωνδύλης*, так же как и на его надгробном памятнике в церкви *Santa Maria della passione* в Милане³. Поэтому я придерживаюсь мнения, что нужно сохранить традиционную фамилию *Χαλκοκωνδύλης*⁴.

Год рождения. Исследователи, пытаясь установить год рождения Лаоника Халкокондила, исходили из того места его исторического труда, где он указывает размеры Византийской империи в то время, когда он родился. Так как он не упоминает о Фессалонике, второй столице империи, окончательно захваченной турками в 1430 г., был сделан вывод, что он

¹ W. Miller. The Last Athenian Historian: Laonikos Chalkokondyles. JHS, 42, 1922, p. 36; *Laonici Chalcosandylae Historiarum demonstrationes ad fidem codicum recensuit...* Eugenius Darkò. Budapestini, 1922. Praefatio, IX—X; Δ. Γρ. Καμπούρογλου. Οι Χαλκοκωνδύλαι. Ἀθήναι, 1926, σελ. 203; G. Moravcsik. Рецензия на изд. E. Darkò, in: BNJ, 8, 1931, S. 363.

² *Chalcosandyla*, I, p. 1 (здесь и далее по изд. E. Дарко).

³ Δ. Γρ. Καμπούρογλου. Οι Χαλκοκωνδύλαι, σελ. 17—18, 60, 175.

⁴ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2-te Auflage. München, 1897, S. 302; E. Gerland. Рецензия на изд. E. Darkò, in: BNJ, 5, 1926—1927, S. 431; G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Budapest, 1942, S. 239.

родился после 1430 г. Но на мой взгляд это заключение недостаточно обосновано. Согласно сведениям, которые Лаоник сам нам сообщает, Фессалоника была захвачена уже при Мураде I, приблизительно в 1387 г., великим визирем Кхайр-Ад-дином⁵ и возвращена византийцам султаном Мусульманом (Сюлейманом)⁶, который вступил на престол при помощи Мануила II Палеолога. Как сообщает Лаоник⁷, после смерти Баязида I, весной 1403 г., сначала царствовал четыре года его сын Иисус (Иса), так что возвращение Фессалоники византийцам, по Лаонику, должно было произойти в 1407 или 1408 г. Итак, на основании сведений, которые нам сообщает сам Лаоник, можно заключить, что он родился около 1407 г. Но в этом случае он, по всей вероятности, упомянул бы в своем историческом труде, что Фессалоника вновь оказалась под властью византийцев. Однако тот же самый Лаоник говорит нам дальше, что уже в течение многих лет до 1430 г. Фессалоника не принадлежала империи, так как город был уступлен Венецианской республике⁸ и только лишь затем отнят у венецианцев Мурадом II⁹. Фессалоника была передана венецианцам, как полагают, летом 1423 г.¹⁰; и действительно, если принять 1423 год за год рождения Лаоника Халкокондила, это будет находиться в наиболее полном соответствии с сообщением Кириака из Анконы (Chiriaco de Pizzicolti) о том, что 30 июля 1447 г. он видел при княжеском дворе в Мистре в Пелопоннесе молодого Николая Халкокондила, который отличался превосходным знанием латинской и греческой литературы¹¹. 2 августа 1447 г. Лаоник сопровождал Кириака в соседнюю Спарту, чтобы показать ему там памятники древности¹². Если бы Лаоник родился после 1430 г., тогда в 1447 г., когда он встретился с Кириаком, он был бы самое большее шестнадцатилетним юношей, а если бы он появился на свет в 1423 г., ему должно было бы быть 24 года, и, без сомнения, с большим основанием можно сказать о 24-летнем, чем о 16-летнем, что он прекрасно знал латинскую и греческую литературу (*egregie latinis atque grecis litteris eruditum*) и что он познакомил путешественника и большого любителя древнегреческих надписей с античными памятниками в Спарте. Поэтому я считал бы, что историк Лаоник Халкокондил родился в 1423 г.

Вопрос о посольстве. В своем историческом труде Лаоник два раза упоминает о Халкокондиде, который побывал в качестве посланника при дворе Мурада II. В первом случае Лаоник рассказывает, что когда умер правитель Афин Антонио Акчиануоли, «его жена¹³ отправила посланника к султану с просьбой о том, чтобы власть была передана ей и одному знатному горожанину, с которым она была в родстве, то есть моему отцу. Она послала его попытаться получить согласие на это у султана и дала ему много денег для того, чтобы он добился для них власти над Атикой и Беотией»¹⁴; но в то время, когда он был в дороге, в Афинах произошел переворот, и посланник, которого Лаоник неоднократно назы-

⁵ Chalcosandyla, I, p. 42. 12, 44. 1, 48. 16.

⁶ Ibid., I, p. 163. 15.

⁷ Ibid., I, p. 160. 5.

⁸ Ibid., I, p. 193.6; II, p. 13. 23.

⁹ Ibid., II, p. 14. 9.

¹⁰ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. 2-te Auflage. München, 1952, S. 444.

¹¹ R. Sabbadini. Ciriaco d'Ancona e la sua descrizione autografa del Peloponneso. „Miscellanea Ceriani“, Milano, 1910, p. 203—224, цит. по W. Miller. The Last Athenian Historian. . . , p. 36 и Δ. Γρ. Καμπούρογλου. Οι Χαλκοκονδύλαι, σελ. 123.

¹² Fr. Pall. Ciriaco d'Ancona e la crociata contr i Turchi. „Bulletin de la Section historique de l'Académie Roumaine“, 20, 1938, p. 52.

¹³ Вдова Антония Мария Мелиссина была, как известно, гречанкой.

¹⁴ Chalco., II, p. 93. 11—16.

вает просто Халкокондил¹⁵, ничего не исполнил. Во втором случае посланник назван «Халкокондил афинский»¹⁶. В отношении личности посланника мнения ученых расходятся. К. Крумбахер¹⁷, исходя из предположения, что год рождения Лаоника неизвестен, считал, что в обоих случаях посланником был сам Лаоник Халкокондил. В. Миллер¹⁸ и Е. Дарко¹⁹ придерживаются мнения, что посланником в обоих случаях был Георгий Халкокондил, отец историка. Того же мнения и Дьюла Моравчик²⁰. К этому мнению склоняются также К. Гютербок²¹ и Д. Гр. Кампуруглу²². Однако Г. Мисколчи считает, что этим посланником мог быть и какой-то другой Халкокондил, не отец Лаоника²³. И действительно, в том виде, в каком Лаоник в своем изысканном стиле формулирует начало своего сообщения о первом посольстве (которое я поэтому выше перевел дословно), не обязательно τοῦτον (Chalc., II, p. 93. 13) следует относить к πατρί δὲ ἡμετέρῃ, но можно также и к общему высказыванию: что вдова послала какого-то посланника к Мураду II.

До сих пор было принято мнение, что в обоих случаях посланником был отец, а не сын, так как считалось установленным, что историк Лаоник родился в 1430 г. Поскольку же первое посольство было вызвано смертью правителя Афин Антонио Акчиануоли (1435 г.), то пятилетний ребенок, конечно, не мог быть посланником.

Во второй раз Халкокондил, которого Лаоник называет в этом случае «афинским» — Ἀθηναῖος, был отправлен в качестве посланника к Мураду II деспотом Константином Палеологом по случаю турецкого похода, приведшего 10 декабря 1446 г.²⁴ к занятию стены, сооруженной на Коринфском перешейке, и имевшего своим следствием основательное опустошение Пелопоннеса. Если предположить, что Лаоник родился в 1423 г., то ему было тогда уже 24 года, и он мог, вероятно, сам быть посланником, тем более что он не называет этого посланника, как в первом случае, просто Халкокондилем, а дает ему то же более точное определение (Ἀθηναῖος), как называет и себя в начале своего исторического труда. Для подкрепления этого предположения можно привести также показание, которое Лаоник Халкокондил дает о тогдашнем турецком лагере, отмечая, что это был самый благоустроенный лагерь султана из всех, «которые я видел»²⁵. На основании этого показания Лаоника делалось справедливое заключение, что если сам он и не был посланником в этом посольстве, то по меньшей мере сопровождал своего отца²⁶.

Местожителство после завоевания. В 1460 г. весь Пелопоннеский полуостров был завоеван турками. Встает вопрос, который уже не раз обсуждался в литературе: как повел себя Лаоник в связи с этим

¹⁵ Chalc., II, p. 93. 17, 94. 1 и 10.

¹⁶ Chalc., II, p. 113. 23: ἦν δ'ὸ πρέσβυς Χαλκοκονδύλης Ἀθηναῖος.

¹⁷ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur, 2. Aufl., S. 302.

¹⁸ W. Miller. The Last Athenian Historian. . . , p. 37.

¹⁹ E. Darkò. Zum Leben des Laonikos Chalkokondyles. BZ, 24, 1924, S. 31; ср. idem. Neue Beiträge zur Biographie des Laonikos Chalkokandyles. BZ, 27, 1927, S. 280.

²⁰ G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 231.

²¹ K. Güterbock. Laonikos Chalkokondyles. „Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht“, 4, 1910, S. 81.

²² Д. Гр. Кампуруглу. Οι Χαλκοκονδύλοι, σελ. 135.

²³ G. Miskolczy. Adatok Laonikos Chalkokondyles életéről. „Történeti Szemle“, 2, 1913, p. 198—214 (no BZ, 22, 1913, S. 543).

²⁴ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, 2. Aufl., S. 450.

²⁵ Chalc., II, p. 115. 5: τὸ τοῦ βασιλέως τοῦτο στρατόπεδον κάλλιστα πάντων δὲ στρατοπέδων, ὃν ἡμεῖς ἐθεασάμεθα.

²⁶ W. Miller. The Last Athenian Historian. . . , p. 37.

обстоятельством? Примирился ли он в какой-либо мере с новой властью или и он эмигрировал, как многие из его соотечественников? К. Сафа²⁷, Ф. Грегоровиус²⁸ и К. Гютербок²⁹ полагают, не приводя каких-либо доказательств, что Лаоник, так же как и его двоюродный брат Димитрий Халкокондил, переселился в Италию. Е. Дарко, который раньше полагал, что Лаоник вернулся из Мистры в свой родной город Афины³⁰, придерживался в последнее время того мнения, что на основании некоторых писем, адресованных Михаилом Апостолиосом³¹ некоему Лаонику на Крит, можно доказать, что наш историк эмигрировал на о. Корфу, а потом на Крит, где обосновался в городе Канеа (Кидония) и стал священником³². В. Миллер³³, Д. Гр. Кампуроглу³⁴ и Г. Каммели³⁵ склоняются к мнению, что Лаоник остался на территории, находившейся под турецкой властью.

Но я считаю, что вопрос о том, эмигрировал ли Лаоник из Греции или нет вследствие турецкого завоевания, ввиду отсутствия каких-либо иных сообщений, может быть с наибольшей достоверностью разрешен только на основании внимательного рассмотрения его исторического труда.

Уже и раньше было замечено, что Лаоник в своем историческом труде показывает себя хорошим знатоком турецкой действительности и что он правильно передает турецкие военные и административные выражения, что он очень благоприятно вообще отзываясь о турках и находит хорошие слова для магометанской веры и ее основателя, пророка Магомета, что Лаоник правильно описывает церемонию обрезания, устроенную султаном Мехмедом II³⁶. Наблюдений такого рода можно привести еще много. Лаоник умеет объяснить нам происхождение и смысл многих турецких имен и дать обстоятельные разъяснения по вопросу об организации больших и разнообразных доходов османского двора и империи³⁷. Об отце губернатора, назначенного на Лесбос, Лаоник пишет: «Я узнал, что из всех судей, служивших у Порты, он был самый справедливый и выносил приговоренным самые справедливые наказания»³⁸. Если Лаоник мог получить подобные сведения до завоевания Пелопоннеса, то в отношении событий, случившихся после этого события, это было невозможно. Если он может нам сказать, что Мехмед II был враждебно настроен к правителю Лесбоса³⁹, который отнял власть у своего собственного брата и его самого убил, и что Мехмед хотел отомстить за душу убитого⁴⁰, то об этом Лаоник с трудом мог бы узнать издали, но легко, если он жил на территории, подвластной туркам. То же самое можно сказать и о той возможности, которую имел Лаоник, чтобы рассказать о различных постройках,

²⁷ Νεοελληνική Φιλολογία, 'Αθήναι, 1868, σελ. 51.

²⁸ F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter. Stuttgart, 1889, т. II, S. 320.

²⁹ См. выше, прим. 21.

³⁰ E. Darkó. Zum Leben des Laonikos Chalkokondyles, S. 35.

³¹ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur, S. 603.

³² E. Darkó. Neue Beiträge zur Biographie. . . , S. 267—285. Но Веес (N. A. Vees. BNJ, 7, 1930, S. 237) находит, что аргументация Дарко в пользу идентичности с упомянутым у Апостолиса Халкокондиллом очень слаба.

³³ См. выше, прим. 18.

³⁴ Δ. Γρ. Καμπουρογλου. Οι Χαλκοκονδύλαι, σελ. 103—104.

³⁵ G. Kammelli. Calcondiliana, correzioni alla biografia di Demetrio Calcondila dalla sua nascita (1423) alla sua nomina nello studio di Padova (1463). „Miscelanea Giovanni Mercati“, III. Roma, 1946, p. 254.

³⁶ A. Nimet. Die türkische Prosopographie bei Laonikos Chalkokondyles. Dissertation. Hamburg, 1933, S. 17—18.

³⁷ Chalc., II, p. 197. 6—p. 201.

³⁸ Ibid., II, p. 274. 7.

³⁹ Ibid., II, p. 275. 10.

⁴⁰ Ibid., II, p. 271. 6.

воздвигнутых Мехмедом II: о крепости около Золотых Ворот в Константинополе (Иедикуле), об императорских дворцах в Константинополе и Адрианополе, о мосте через Аксий (Вардар); о крепостях, которые преграждали вход в Геллеспонт и которые он снабдил примерно 30 большими и многими маленькими пушками; о постройке в Черном море флота, состоявшего примерно из 30 кораблей с тремя рядами весел; о плане султана обратить Константинополь в сильный опорный пункт для господства на море⁴¹.

Очень бросается в глаза также некоторое сходство между историческим трудом Лаоника Халкокондила и историческим трудом Критовула из Имброса, который, как известно, сделался верным турецким подданным.

Вышеуказанное сообщение Лаоника о стремлении Мехмеда II утвердить господство на море и обеспечить этим успех своим завоевательным планам очень похоже на такое же самое сообщение Критовула⁴². Подобно Критовулу (Critob., III, 1, 3.2—4, 19.1, 20.1), Лаоник указывает (Chalc., II, p. 176. 9—19, 220. 1—9, 227. 10—17), что причиной того, что Мехмед II напал на Пелопоннес и в конце концов совсем покорил этот полуостров, было не стремление султана все более и более расширять пределы своей власти, но неуплата деспотами дани, которую они обязались выплачивать, и споры их между собой. Как Критовул (Critob., III, 9.5—6), так и Лаоник Халкокондил (Chalc., II, p. 211. 5—12) рассказывают, что Мехмед II был полон восхищения перед древними Афинами. Каждый раз, когда Мехмед II отправляется в поход против чужой страны и нападает на ее правителей, Критовул старается в своем историческом труде полностью его оправдать, объясняя обычно причину его похода тем, что ему не хотят выплачивать дань⁴³. Неуплата дани появляется как причина многих завоевательных походов турецких султанов и в историческом труде Лаоника. Так как Скандербег не платит дань, Мурад II должен на него напасть (Chalc., II, p. 120. 5); под тем же самым предлогом предпринимает истребительную войну против боснийского царя (Chalc., II, p. 279. 4—10) и Мехмед II. Оставим в стороне вопрос о том, следует ли отнести такие сходные объяснения у обоих историков за счет исторических обстоятельств или здесь имеет, может быть, место взаимное заимствование. Но, во всяком случае, если бы Лаоник Халкокондил эмигрировал на Крит или в какое-нибудь другое место в Италии, ему трудно было бы изображать дело так, чтобы турецкие султаны казались «невинными» агрессорами, а христианские государи, на которых он напал, «виновными» жертвами.

Лаоник сам признается, что о размерах бедствия, постигшего город Леондари при завоевании Пелопоннеса турками, он навел справки потом у жителей его окрестностей⁴⁴.

Так как после смерти Мехмеда I византийцы хотели выдвинуть другого претендента, Мурад II старался поддерживать с ними прежние хорошие отношения. Но «по неразумию» (ἀπο ἀφροσύνη — Chalc., II, p. 1.8) византийцы поступили так опрометчиво, что подвергли свое государство величайшей опасности.

Когда Мурад II напал на Коринфский перешеек, укрепленный деспотом Константином Палеологом, один из пелопоннесских разведчиков, который видел наступающее войско, не мог удержаться от упреков деспоту в том, что, вступив в войну с таким сильным противником, он вверг страну

⁴¹ Chalc., II, p. 276. 8—p. 277. 7.

⁴² Critobulos, III, 13 ed. C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum, vol. V, pars 1. Parisiis, 1870.

⁴³ Critob., II, 8. 1, 20. 11; III, 10. 2, 16. 4; IV, 1. 2, 11. 1, 15. 2; V, 11. 1.

⁴⁴ Chalc., II, p. 230.13.

в несчастье. Он дал деспоту совет немедленно искать примирения с султаном, «чтобы он из-за их (деспотов) злобы с такой же злобой их не разорил». Но претензии деспота были столь нереальными, что он требовал, чтобы Коринфский перешеек полностью остался в его власти и чтобы ему были уступлены те владения султана, которые он занял за пределами перешейка. Поэтому его настигла месть турецкого султана⁴⁵. Когда Мехмед II посылает на помощь пелопоннесским деспотам против восставших албанцев Туракана, Лаоник Халкокондил предоставляет ему возможность, в фукидидовской манере, увещевать деспотов быть единомышленными и давать им советы, каким образом они могут обуздать своих непокорных подданных⁴⁶. По отношению к Мехмеду II пелопоннесские деспоты ведут себя неблагодарно и безрассудно⁴⁷, и их подданные ведут себя неразумно, так как не выплачивают полагающуюся с них дань⁴⁸. Так же неразумен и правитель Лесбоса, так как он не хочет принять предложение Мехмеда II сдаться и сдать свою столицу, а за это получить соответствующие земли в другом месте⁴⁹. Когда венецианцы прибывают на кораблях в Пелопоннес, чтобы освободить полуостров от турецкого ига, жители Спарты переходят на их сторону, будучи обмануты⁵⁰ одним юношей по имени Грица. В самом деле, трудно себе представить, что Лаоник Халкокондил мог бы писать в таком духе — а таких примеров можно было бы привести много — если бы он не остался на территории, подвластной туркам. Правда, он описывает посредством гомеровского сравнения ужасные страдания жителей при нападении турок на Пелопоннес: «Как волки напавшие на покинутое пастухом стадо овец, никогда не могут насытиться, растерзав его, и как овцы ужасно страдают от этих диких животных, так и Пелопоннес жалким образом так же погиб, разгромленный войсками султана, причем одни погибали одним, а другие другим плачевнейшим образом»⁵¹. Тем не менее после прочтения исторического труда Лаоника Халкокондила нельзя избежать впечатления, что он не мог бы писать так, живя вне территории, подвластной туркам, в особенности если принять во внимание, что в то время в христианских государствах о турецких властителях отзывались далеко не благоприятно. Поэтому с большим основанием можно считать, что Лаоник Халкокондил после завоевания Пелопоннеса турками вернулся в свой родной город Афины и там и написал свой исторический труд.

Критические и пояснительные заметки по тексту.

Chalc., I, p. 25.12: τετραμμένου ταύτη ἐς μάχην μὲν οὖν. Во времена Стефана Душана Византийское государство было поставлено сербами в очень стесненное положение, но руководители государства ленивы, а император ведет изнеженный образ жизни. Поэтому византийский народ не думает о войне, а надеется на прочность городских стен. Было бы, таким образом, более правильным по смыслу поставить точку после τετραμμένου, а Ταύτη отнести к следующей фразе.

Chalc., I, p. 34. 5: ὡς δὲ ἐς τὴν βασιλείαν κατέστη, τὸν μὲντοι Καντακουζηνὸν Ναζηραίων ἐποίησατο, Ματθαῖον τοῦνομα. Ὁ τοῦτου δὲ πρεσβύτερος παῖς, ὃν ἀπέδειξε βασιλέα τοῖς Ἑλλήσιν, ἀφίκετο μὲν τὰ πρῶτα ἐς Ῥόδον... т. е. «как только он вступил на престол, он, конечно, постриг Кантакузина в монахи под именем Матвея. Но его старший сын, которого он

⁴⁵ Chalc., M, p. 113. 2—20.

⁴⁶ Ibid., II, p. 172. 16—174. 2 и 175. 5—16.

⁴⁷ Ibid., II, p. 202. 8.

⁴⁸ Ibid., II, p. 227. 14.

⁴⁹ Ibid., II, p. 271. 21.

⁵⁰ Ibid., II, p. 301. 8: ἐξαπατηθέντων.

⁵¹ Ibid., II, p. 234. 8—12.

провозгласил царем греков, сначала прибыл в Родос» и т. д. Так дошел до нас текст и так сохранил его Дарко в своем критическом издании. Но очень трудно предположить, что Лаоник не знал, или при своей начитанности не мог узнать, что Иоанн Кантакузин носил в монашестве имя Иоасаф, а что Матвей было как раз имя старшего его сына, так что *Ματθαῖον τοῦνομα* по всей вероятности попало после *Ναζηραῖον* из-за описки, и его следует поместить после *ὄν*. Если сделать эту маленькую перестановку, фраза будет звучать правильно: «Как только он вступил на престол, конечно, он постриг Кантакузина в монахи. Но его старший сын, по имени Матвей, которого он провозгласил царем греков, прибыл сначала в Родос» и т. д.

Chalc., I, p. 34. 15: *καὶ τὴν τοῦ Μωσῶν βασιλέως θυγατέρα ἡγάγετο ἐπὶ τῷ παιδί αὐτοῦ Ἀνδρονίκῳ, ἀφ' ἧς ἐγένοντο αὐτῷ παῖδες, πρεσβύτερος μὲν Ἀνδρόνικος, Δημήτριος δὲ καὶ Ἐμμανουήλος οἱ νεώτεροι, καὶ Θεόδωρος*. Отрывок, по-видимому, искажен. Перед *ἀφ' ἧς* не хватает, возможно, несколько слов, упоминавших о жене Иоанна V Палеолога, от которой он имел четырех поименованных выше сыновей. В том же виде, в каком это место воспроизведено Дарко, получается, что эти четыре брата были племянниками Иоанна V, сыновьями его старшего сына Андроника. Я думаю, что Лаонику Халкокондилу трудно приписать такую ошибку. Для того чтобы исправить это место, Дарко поставил запятую после *παῖδες*. Я хотел бы пойти дальше и поставить точку с запятой, чтобы по возможности яснее показать, что это были не племянники, а сыновья Иоанна V Палеолога.

Chalc., I, p. 59. 17: *Ἀτδίνην, Σαρχάνην, Μενδεσίαν, Τεχίην καὶ Μετίην*. Сельджукские и турецкие правители, которых Баязид I лишил власти и покорил их земли, не носили больше этих имен. Но Лаоник Халкокондил называет их по турецкому обычаю именами их предков, основывших данные владения⁵².

Chalc., I, p. 83. 13: *ἔστι πόλις Καλέση οὕτω καλουμένη*. Все рукописи, приведенные Дарко в его критическом аппарате, передают под названием *Καλέθη* имя города Кале. Другой рукой в одной рукописи исправлено *Καλές*. Фабротус предложил *Κάλετης*, Дарко исправляет *Καλέση*. Более простой и, возможно, более правильной поправкой было бы, если это слово написать отдельно *Καλὲ δῆ*. Хотя частица *δῆ*, пожалуй, здесь не совсем подходит, однако, имея в виду манеру письма Лаоника Халкокондила, это не является невозможным.

Chalc., I, p. 87. 14: *καὶ ἐν ταῖς ὁδοῖς δὲ ἀπανταχῆ παρέχονται τὰς ἑαυτῶν γυναῖκας [ἐν] τοῖς ἐπιτηδεῖσις*. Так как Беккер (ed. Bonnæ) и Дарко считали, что употребляемые автором как до, так и после этой фразы формы *κύσαντα* (I, p. 87. 13) и *κύσσαι* (I, p. 87. 17) происходят от глагола *κύειν* — *in utero gestare*, они решили, проводя свою мысль дальше, исключить из текста второе *ἐν*, которое имеется во всех рукописях и, несомненно, должно быть сохранено как подлинный вариант. Ибо В. Лоран правильно производит *κύσαντα* и *κύσσαι* от менее употребительного глагола *κυνῶ* (*κῶω*) в значении *deosculari*⁵³; и чуждый Лаонику английский обычай состоит в том, что гости целуют жен хозяев и что англичане «повсюду появляются со своими женами, даже на улицах, среди знакомых и друзей». Для жителя востока этот обычай был, конечно, чужд и казался странным.

⁵² См. A. Nimet. Die türkische Prosopographie. . ., S. 59, 89 и 92—94; G. Moravcsik. Byzantinoturcica, II. Budapest, 1943, s. v.

⁵³ V. Laurent. „Echos d'Orient“, 31, 1928, p. 470.

Chalc., I, p. 122. 6: Λιτουάνους, γένος. Более уместно было бы поставить после Λιτουάνους точку с запятой или даже точку, так как γένος относится не к Λιτουάνους, а к упоминаемому выше Σαρμάται.

Chalc., I, p. 122. 7: τοῦ Ἰησοῦ νόμοις ἐπιχοι. Следовало бы, несомненно, предпочесть весьма благоразумную небольшую поправку Е. Курца — ἐπήχοι имеющемуся в рукописи, но очень мало подходящему по смыслу ἐπιχοι⁵⁴.

Chalc., I, p. 122. 23: αἱ ἀπὸ Δανίας νῆες. Во всех рукописях, очень многочисленных, значится Δαχίας. Дарко вводит в текст конъектуру Тафеля Δανίας. Но вариант, переданный всеми рукописями мог бы быть сохранен, так как в латинских средневековых хрониках слово Dasia могло обозначать и Данию⁵⁵. Поэтому можно было также вместо конъектуры Тафеля ἐπὶ Δανίαν (I, p. 65. 5) отдать предпочтение рукописям, в которых значится Δαχίαν; и подобно этому на странице I, 68. 8 вместо совсем отсутствующего в рукописях Δανίαν.

Chalc., I, p. 163. 8: συγγενόμενος Μύρξῳ Δάνῳ τῷ Δαχίας ἡγεμόνι καὶ πρότερον ὄντι συνήθει αὐτῷ. Все рукописи передают бессмысленное Μυρδάνῳ. Тафель предложил писать Μυρ-Δάνῳ, что также не имеет смысла. Нуссер исправил в Μύρξῃ τῷ Δάνου, что не соответствует историческому факту, так как Мирча I (1386—1418) был не сыном Дана, а его братом и сыном Раду. Дарко пишет Μύρξῳ Δάνῳ, что, хотя и находится в соответствии с историческими фактами, но несовместимо с тем, что говорится дальше: τῷ Δαχίας ἡγεμόνι καὶ πρότερον ὄντι συνήθει αὐτῷ. Может быть, самым подходящим было бы имеющееся в рукописях Μυρδάνῳ исправить всего лишь в Μύρξῃ δέ, что лучше всего передает смысл и согласуется с историческими фактами.

Chalc., I, p. 169. 4: καὶ ὡς <ὁμόσε> ἐγένοντο τοῖν ἀδελφοῖν τὰ στρατεύματα. Но в рукописях передано: καὶ ὡς ἐγένοντο τοῦ ἀδελφοῦ τὰ στρατεύματα. Повидимому, множественное число слова τὰ στρατεύματα побудило Беккера предложить конъектуру <ὁμόσε> ἐγένοντο τοῖν ἀδελφοῖν. Но так как в ближайших строках (169. 9, 18) говорится о τὰ στρατεύματα Мехмеда I, имеющийся в рукописях текст вполне мог быть сохранен: «Как только военные отряды брата (то есть Мехмеда I) прибыли» вместо конъектуры «когда войска обоих братьев (т. е. Мусы и Мехмеда I) вступили в рукопашную».

Chalc I, p. 203. 25 — упоминается разбойничий поход турок против Валахии, который имел место в царствование Мехмеда I. Так как Лаоник Халкокондил имеет обыкновение в своем повествовании забегать вперед, а потом снова возвращаться к сказанному, здесь, по-видимому, идет речь о том же самом турецком походе, о котором говорится в I, p. 172. 16—17. Точно так же, по нашему мнению, обстоит дело и с II, p. 36. 14, и II, p. 109. 15, где Лаоник сообщает о возведении Гуниади на трон румынского государя Дана III.

Chalc., II, p. 2. 12: καὶ χώραν πολλήν Καλλιουπόλεως — так значится в рукописях. Баязид, великий визирь Мурада II, обещает византийскому императору «обширную область Галлиполи», если он выдаст его соперника Мустафу. Известно, что византийцы особенно настаивали на том, чтобы им был отдан Галлиполи, но турки ни за что не хотели на это согласиться, как это явствует также из дальнейшего; поэтому лучше было бы читать πλὴν вместо πολλήν: «и землю кроме Галлиполи»⁵⁶.

⁵⁴ BZ, 25, 1925, S. 114.

⁵⁵ См. „Revue historique du Sud-Est Européen“, 22, 1945, p. 320.

⁵⁶ Ср. также Ducas. Historia Byzantina. Bonnae, 1834, p. 152—155.

Chalc., II, p. 88. 22: в рукописи ἀλλαχόσε, и Дарко сохранил это написание в тексте; Тафель предложил ἀλλαχόσε δέ. В горном ущелье Куновица Гуниади одержал блестящую победу над армией Мурада II. Султан очень разгневался на Турахана, так как он не придержался в сражении плана главнокомандующего, «а, направляясь куда-то в другое место, избрал иной путь». Поэтому лучше всего было бы читать: ἀλλ' ἀλλαχόσε.

Chalc., II, p. 103. 22: τὴν φάκην. В одной-единственной рукописи встречается φάκην. В обоих случаях допущена, по-видимому, ошибка при написании φρήτρην, как это явствует из выражения κατὰ λόχους καὶ φρήτρας (ibid., p. 103. 20).

Chalc., II, p. 113. 1: ἐλθὼν δὲ ἐπὶ τὰς Παγὰς ἐστρατοπεδεύετο и II, p. 114. 1—ἐν Παγαῖς. Однако во всех рукописях эта местность названа не Παγὰς и Παγαῖς, а Μιγγίας и Μιγγίαις. И в самом деле, на пути из Мегары в Коринф есть местность Μιγγίαι, где Мурад II разбил свой лагерь, так что рукописные варианты правильны и должны быть сохранены⁵⁷.

Chalc., II, p. 114. 4—6: Καὶ ἤχθετο μὲν τῷ Τουραχάνῃ, ὅτι θέρους στρατεύεσθαι πρὸς τὴν <Πελοπόννησον συνεβούλευσεν αὐτῷ. Как уже правильно заметил К. А. Фабротус, в этом отрывке между τὴν... и ...-εν выпало несколько слов. Если принять конъектуру Дарко, то смысл фразы заключался бы в том, что султан гневался на Турахана за то, что тот посоветовал ему напасть на Пелопоннес летом. Но такое понимание неверно, так как несколькими строками выше говорится, что Мурад II «направился против Пелопоннеса среди зимы»⁵⁸. Мы полагаем поэтому, что пропуск несколько значительнее, и я восполнил бы его следующим образом: <Πελοπόννησον βουλόμενος, αὐτίκα συνεβούλευσεν. В таком случае смысл фразы был бы, на наш взгляд, наиболее подходящим, а именно: Мурад II хотел предпринять этот поход только летом; но, по совету Турахана, он выступил тотчас же, среди зимы, так как Турахан сказал ему, что враги уйдут при одном его появлении. Однако этого не случилось, и султан должен был выдержать тяжелый поход; этим и объясняется его гнев на Турахана.

Chalc., II, p. 125. 6; 176. 21: Νοβόπυργον. Рукописи дают нам в одном месте νοβόπυρον, а в другом — νοβόπυρδον и νοβόπυργον. Так как речь идет, по всей вероятности, о городе Новоброд, то следовало бы, несомненно, предпочесть Νοβόπυρδον, как это уже предложил К. А. Фабротус⁵⁹.

Chalc., II, p. 144. 19: καινοπρεπεῖ. Нуссер предложил читать κenoπρεπεῖ. Мехмед II значительно уменьшил число обслуживающего персонала по уходу за охотничьими собаками, соколами, так как он не был столь безрассудным, «чтобы содержать этих бездельников для такого тщеславного и необычайного занятия (καινοπρεπεῖ πράγματι)». По смыслу следовало бы, пожалуй, предпочесть вариант κenoπρεπεῖ πράγματι, т. е. «для такого тщеславного и пустого хвастовства».

Chalc., II, p. 145. 7—8: βουτύρου τε χιλίας καμήλους καὶ... ἐμέλησε μὲν πόλεμον αὐτῷ προεπιόντα ἐλαύνειν.

Перед βουτύρου некоторые рукописи указывают пропуск; Дарко поставил его после καὶ и оставил незаполненным. Если вставить пропуск

⁵⁷ N. A. Ve es. Zum Berichte des L. Chalkokondyles über den Feldzug Murads II gegen Morea. BNJ, 17, 1939—1943, S. 234—241.

⁵⁸ Chalc., II, p. 113. 22: ἤλαυνεν ἐπὶ Πελοπόννησον μέσον χειμῶνος.

⁵⁹ Следует сравнить также с Ducas, p. 209. 15: Νοβόπυρδον, и Critob., II, p. 8. 4 и 9. 1: Νοβόπυρδον, Νοβόπυρδου.

там, где он указан в рукописях, я восполнил бы его глаголом ἤτησατο⁶⁰ и написал бы ημέλησε вместо ἐμέλησε, так что смысл получился бы следующий: «он требовал 1000 молочных верблюдов и ... пожелал избежать ранее объявленной ему войны».

Chalc., II, p. 154. 21: κλίμαξι. В рукописях стоит κλίμασι. Тафель предложил κλίμαξι — «с лестницами», и Дарко принял эту конъектуру в своем тексте. Однако имеющийся в рукописях вариант больше подходит по смыслу; нужно только устранить вкравшуюся орфографическую ошибку (итализм), написав κλήμασι — «с фашинами из виноградных лоз». «Около стены, разрушенной пушками султана, жители Константинополя защищались, строя дамбу из фашинов из виноградных лоз и деревянных бочек». Ведь нельзя же лестницами защищаться от агрессора. Деревянные бочки были, конечно, наполнены землей.

Chalc., II, p. 161. 20: οἱ μετοχιταῖοι. Правильно следует писать Μετοχιταῖοι⁶¹.

Chalc., II, p. 167. 2—4: καὶ οὕτω τοὺς Ῥωμαίους οἴεσθαι ξυμβῆναι, τὴν τίσιν ἀφ᾽ ἧδαι τοῖς Ἑλλήσι τῆς πάλαι ποτὲ γενομένης Ἰλίου ξυμφορᾶς. «И таким образом римляне считали, что Илион был отомщен за то несчастье, которое ему причинили когда-то эллины». Под эллинами у Халкокондила почти всегда следует понимать византийцев. Ῥωμαίους — римляне — могут обозначать в данном случае только современные ему западные народы, особенно итальянцев. Мысль о том, что покорение Константинополя турками⁶² должно рассматриваться как месть эллинам, Лаоник Халкокондил мог заимствовать из какой-нибудь западной латинской хроники, так как уже хронист Роберт де Клари, который принимал участие в завоевании Константинополя во время Четвертого крестового похода, приписывает одному франкскому барону высказывание, оправдывающее латинские завоевания тем, что Троя принадлежала когда-то их предкам, как потомкам Энея⁶³. Мысль о том, что покорение Константинополя должно рассматриваться как месть за разрушение Трои, мы встречаем и у Критовула (Critob., IV, 11). Это может служить доказательством того, что Критовул знал и использовал исторический труд Лаоника Халкокондила. Так можно было бы очень легко объяснить указанное выше сходство между обоими историческими трудами.

Chalc., II, p. 176. 20: Βασιλεὺς δὲ ὁ Μεχμέτης τὴν δευτέραν ἔτι μετὰ τὴν Βυζαντίου αἴρεσιν ἐστρατεύετο ἐπὶ Τριβαλλούς. Однако, так как в данном случае идет речь о первом походе Мехмеда II против сербов, τὴν δευτέραν представляется нам неверным. Довольно натянутое толкование можно было бы дать, если считать за первый турецкий поход после покорения Константинополя описанный раньше поход Турахана в Пелопоннес против восставших албанцев, а за второй — поход Мехмеда II против сербов. Хотя это толкование не очень убедительно, но если учесть манеру письма Халкокондила, не исключено, что и оно правильно.

Chalc., II, p. 180. 8: Οἱ Παῖονες... ἐς τὰς ναῦς κενὰς οὖσας τὰ σώματα καταθέμενοι τῶν φαρμακῶν. В рукописях стоит φαρμάκων, что не имеет смысла. Беккер ставит ударение φαρμακῶν. Венгры захватили вблизи Белграда

⁶⁰ См. также Chalc., I, p. 100. 13—14.

⁶¹ V. Laurent. „Echos d'Orient“, 31, 1928, p. 467.

⁶² Как известно, гуманисты считали турок потомками троянца Тевкра, сына Приама.

⁶³ Robert de Clari. La conquête de Constantinople, ed. Lauer, CVI, p. 102 (по G. J. Brătianu. Vicina și Cetatea Albă, p. 141—142). См. также E. v. Ivanka. Der Fall Konstantinopels und das byzantinische Geschichtsdenken. I. der öst. Byz. Gesell., III, 1954, S. 21—22.

в бою на Дунае с турецким речным флотом около 20 пустых судов и погрузили на них крест-накрест трупы *φαρμακῶν* (колдунов). Вероятно, под этим названием следует понимать турецких дервишей, которые обычно сопровождали во время войны турецкую армию.

Chalc., II, p. 199. 14: *φρον βοστιναν οὕτω καλουμένην*. Все без исключения рукописи дают нам *βοστιναν*. Это слово, по-видимому, древнеславянского происхождения и, насколько мы могли заключить, заимствовано из старой румынской налоговой переписи, где оно означает какой-то налог на овец. Это значение слова в данном случае вполне соответствует смыслу. В старых румынских документах это слово встречается в форме «гоштина» (*goştina*). Пример такого перехода γ в β можно наблюдать в слове *σεργούτζι* — *σερβούτζι*. См. S. Lambros. *Collectiois de romans grecs*. Paris, 1880, p. 134, v. 529: *δυσ σερβούτζια φορεῖνε ἅπανω στο κεφάλι*).

Chalc., II, p. 199. 22: *ἡ τῶν ἐνοίκων πρόσδος* — должен обозначать, по-видимому, доход от наследственных арендаторов, т. е. плату, которую вносили так называемые *ἐμφυτευταί*⁶⁴.

Chalc., II, p. 224. 15: *Ὡς μὲν οὖν ἀφικομένου Ἀσάνω*... После рассказа о кавказской Иберии Лаоник продолжает: «Когда Асан прибыл к султану...», и таким образом переходит к повествованию о завоевании Пелопоннеса. Такой лишенный связи переход необычен для исторического труда Лаоника Халкокондила и, между прочим, служит также доказательством того, что историк не имел возможности окончательно отшлифовать свой труд.

Chalc., II, p. 225. 2: *ὡς δὲ εἶλε*. Когда Мехмед II узнал, что деспот Димитрий отрекся от своего восставшего брата, он тотчас же подарил Димитрию острова Лемнос, Имброс, Фасос и Самофракию. Еще раньше, после захвата Константинополя, он подарил Лемнос и город Энос правителю Лесбоса, а остров Имброс — Паламеду, *ὡς δὲ εἶλέ τε τῆν Δίον* — но «когда он занял также и Энос». Когда Паламед умер и сын его Дорио унаследовал город, Мехмед пришел с армией и занял город Энос. В такой связи было бы несомненно значительно лучше вместо *ὡς* («когда») поставить *ὅς* («который»).

Chalc., II, p. 239. 11: *ὁ Ἀμάρλεω ἀδελφός*. Мехмед II отправился в поход против правителя Синопа, так как его обвиняли во враждебных султану замыслах. Но кроме этого сообщается, что и «брат Амарлеса», который жил при дворе султана, посоветовал султану отправиться против своего брата. Однако правителя Синопа звали не Амарлес, а Измаил, как в действительности мы и читаем немного дальше⁶⁵. Чтобы устранить противоречие, было бы, по-видимому, лучше читать *Ἀμάρλης* вместо *Ἀμάρλεω*.

Chalc., II, p. 244. 4: *Τουρχούτης* — вероятно, преемник упомянутого в I, 60. 3⁶⁶.

Chalc., II, p. 244. 10: *πολίχνην μὲν ... τοῦνομα*. Название крепости в рукописях отсутствует. Речь идет о крепости Куюмлигиссар⁶⁷.

Chalc., II, p. 246. 19—249. 31: *Τὸ δὲ ἐντεῦθεν ἦδη . . . . καὶ ὑπανδρεῦσατο*. Весь этот отрывок Дарко отбросил, считая его подделкой. Однако мне кажется, что заслуженный издатель Лаоника Халкокондила зашел слишком далеко. Я бы считал возможным часть этого отрывка от *Τὸ*

⁶⁴ См. *Legiuirea Caragea, editie critică* Νεομθησία Κατατζᾶ. Academia Republicii Populare Romîne. Bucarest. 1955, p. 43 (III, 5. 1).

⁶⁵ Chalc., II, p. 240. 8, 241. 2.

⁶⁶ См. также выше — Chalc., I, p. 59. 17.

⁶⁷ Seadeddin, 2, 201, цит. по изданию К. Мюллера (*Fragmenta Historico-rum Graecorum*, V, p. 130).

δε ενταυθεν ηδη до Таῦτα μεν ες τσοσδου, εγενετο (II, p. 248. 24) сохранить как подлинную, так как она не только находится в очень естественной связи с повествованием, но и не отклоняется по языку и стилю от манеры письма Лаоника Халкокондила, как остальная часть отрывка от II, p. 248. 24 την δε Τραπεζοῦντα до p. 249. 31 και υπανδρευσατο, которая была удалена правильно. С помощью слов Таῦτα μεν ες τσοσδου εγενετο (II, p. 248. 24) Лаоник Халкокондил обычно переходит к рассказу о новом историческом событии, как это здесь и имеет место в действительности, если удалить последнюю часть отрывка⁶⁸.

Chalc., II, p. 264. 19—20: καὶ τον μεν Ὀμαρην εδωρησατο βασιλευς τῆ τῆς Θεσσαλιας ἀρχῆ Μαζουλης δε ετι ἦν, καὶ ἀνδρας εχων ἀγροδους ειπετο τῷ βασιλεῖ. В рукописях — μαζουλης. Но все издатели писали Μαζουλης с большой буквы, считая это слово именем собственным. Однако в турецких источниках не встречается ни одного лица с этим именем⁶⁹, а в византийских источниках — только в этом месте у Лаоника Халкокондила⁷⁰. Поэтому Нимет⁷¹ полагает, что под этим именем скрывается, вероятно, Мазакоглу, сын Тутуз-Мзаки, а именно Хасим — Χασιμης⁷², но в то же время замечает, что нигде не имеется сведений о том, что этот Хасим принимал участие в походе Мехмеда II против Валахии в 1462 году, о котором здесь говорится. С другой стороны, принимая во внимание особенности синтаксиса этой фразы у Лаоника Халкокондила, скорее можно предположить, что слово μαζουλη — атрибут к Омару, указывающий на положение последнего в иерархии высших турецких сановников. Поэтому я видел бы в слове μαζουλης турецкое слово «мазул»⁷³, которое означает бывшего сановника в отставке. Омар занимал пост наместника Фессалии⁷⁴, а затем он был смещен с этой высокой должности⁷⁵, потому что оказался будто бы замешанным в восстании деспота Фомы⁷⁶: в нашем же отрывке говорится о его повторном назначении наместником Фессалии. Таким образом, μαζουλης нужно писать с маленькой буквы, и отрывок следует перевести следующим образом: «и он дал ему место наместника в Фессалии, но тот был еще бывшим сановником в отставке и, располагая храбрыми людьми, сопровождал царя»⁷⁷.

Chalc., II, p. 265. 8, 12: Δρακομλην, Δρακομλης, т. е. Раду III Красивый (1462—1474), названный здесь, по турецкому обычаю, по прозвищу своего отца, Влада II Дракула.

⁶⁸ См об этом V. Gressu. Zu den Interpolationen im Geschichtswerke des Laonikos Chalkokondyles. „Bulletin de la Section historique de l'Académie Roumaine“, XXVII, 1946, S. 92—94.

⁶⁹ A. Nimet. Die türkische Prosopographie. . ., S. 56, № 41.

⁷⁰ G. Moravcsik. Byzantinoturcica, II, S. 159, s. v.

⁷¹ A. Nimet. Op. cit., S. 56, № 41.

⁷² Chalc., II, p. 87. 6—88. 10.

⁷³ Известно, что Лаоник Халкокондил часто употребляет турецкие выражения. См. I, p. 9. 2, 8, 12; II, p. 144. 21 et passim. Ср. A. Nimet. Op. cit., S. 17, Anm. 15.

⁷⁴ Chalc., II, p. 210. 23—211. 1.

⁷⁵ В древнерумынском языке „mazilit“ — participium praeteritum passivum от глагола турецкого происхождения „mazili“, т. е. „освободить от высокого чина“.

⁷⁶ Chalc., II, p. 214. 12—17.

⁷⁷ В старых румынских документах часто встречается „b ieri mazili si halea“ (см., например, Legiurea Saragea, p. 186), т. е. „высшие сановники в отставке и на службе“. Но „mazili“ были, как и у турок, всегда в распоряжении государя, сопровождали его на войну со своими людьми и в любой момент могли быть снова назначены на должность. Именно так случилось и с Омаром. Сановник в отставке, т. е. „mazili“, он сопровождал со своими храбрыми людьми Мехмеда II в походе против румынского государя Влада Цепеша в 1462 году и за свою храбрость был вновь назначен на ту высокую должность, которую он потерял.

Chalc., II, p. 270. 5: διὰ τὸν πρὸς Μυσοὺς καὶ Τριβαλλοῦς πόλεμον. Во всех рукописях дано Μήδους — «мидяне», вместо которых Тафель предложил Μυσοὺς — «болгары». Предложенный вариант был введен Дарко в текст. Однако рукописный вариант Μήδους, пожалуй, может быть сохранен в значении «турки», так как в то время византийцы действительно вели войну против турок и сербов. Лаоник Халкокондил, который обычно называет монгола Тимура «скифом», один раз называет его «персом»⁷⁸, и таким же образом он легко мог назвать один раз турок мидянами.

Chalc., II, p. 275. 5: Ἀλβάνεω παιδί, τῷ Ἰωῶν λεγομένῳ. Рукописи дают ἰωῶν и ἰωῶ. Но сына Албанеса звали Иисус, Иса: Ἀλβάνεω παῖς Ἰησοῦς (II, p. 289. 26) и Ἰησοῦν τὸν Ἀλβάνεω παῖδα (II, p. 303. 18), так что ἰωῶν, ἰωῶ — неправильное написание для Ἰησοῦ.

---

⁷⁸ Chalc., I, p. 144. 20.
